

ВЕНЬЯМИН ВАЛЕРИАНОВИЧ КОРСАК
(1884 — 1944)

ГЛАВА I

У СЕБЯ

Я сижу в кресле на солнце. Небо ясное, погода сухая. Дождя не было давно-давно. Молодые сосны пожелтели, словно их позолотили. Тополь трепещет от легкого ветерка своими атласистыми листьями. Юркие ящерицы шмыгают осторожно в траве. Одна, побольше, остановилась у моей ноги, повертела головой, что-то вспомнив нырнула в густой вереск и пропала. Молодые ласточки летают над крышей и садятся отдохнуть на самый конёк. Поправив белую жилеточку, они что-то щебечут и, перекачнувшись вперед и назад, снова принимаются летать. Это они упражняются перед отлетом в далекие, теплые страны. Хорошо на солнце, тепло.

Я забываю «Рим», над которым работал, христиан,

язычников, преследования императоров и отдаюсь спокойной ласке мирного августовского дня. Вокруг — тишина нерушимая. Все почти дачники уже уехали, и безлюдье создает особое, торжественное настроение; я как будто не в редком сосновом лесу, а в пустынном храме, покинутом толпой.

Но далеко от того места, где я сейчас нахожусь, происходит что-то тревожное. Люди, встретившись, часто произносят страшное слово — война. Все думают и гадают, будет-ли снова мир воевать, или нет?

Одни уверенно говорят: войны не будет, теперь весь мир так связан, так сцеплен между собой, что война непременно должна охватить всех людей, весь земной шар, — это было-бы безумием. Другие только покачивают головой и повторяют: война неизбежна.

А я думаю: что такое война? Нечто метафизическое, скрытое от сотворения человека в нём самом, или же это только желание захватить получше место под солнцем и никого не пустить? Было-бы мне лишь хорошо. Кто это решит? Лично я не хочу войны; я ее уже видел, знаю ее не с парадного крыльца, а с черного хода, и с меня достаточно. Но что значу я, кому интересно мое желание?

С каждой стороны есть люди желающие войны, желающие горя фанатично, но многие-ли из них пойдут в бой? — Может быть, никто. Они будут командовать, распоряжаться, торговать, наживаться и лицемерно называть искалеченных и изувеченных против своей воли людей — героями. И вместе с тем я чувствую, я вижу необходимость великого очищения мира. Человек увяз в грехах и в грязи; высокое отлетело от земли, нет тоски о горнем мире, к нему все дороги забросаны нечистотами. Вместо природы — душные прокуренные кафе и тротуары заплыванные, покрытые окурками. Любовь — видение другого человека, другого я в осиянности, в Боге, откуда и счастье любви — заменилась физическим удовлетворением. Отвле-

ченные ценности философии, религии, долг нравственности — рождают только вопрос, и особенно у молодых — «а что это мне даст?»

И всё то, что не даст ничего видимого, не дает осязательной материальной пользы, — не для них. На всём фасаде человечества горит слово: выгода.

Может быть и есть где-нибудь праведники, но как их найти, и будут-ли их слушать?

Эти мысли набиваются в голову сами собой, а день вокруг так хорош.

Является желание побеседовать с каким-нибудь тихим и спокойным человеком о чём-нибудь простом и житейском — как, например, уничтожить на грядках сорную траву? — поговорить о моей работе, или просто помолчать с ним. Иное молчание стоит глубокомысленного разговора.

Желание исполняется. На дороге показывается знакомая женская фигура: это соседка; она еще не уехала и живет неподалеку за углом, налево. Подойдет или нет? Она поворачивает за угол и останавливается у калитки; открывает ее, идет по дорожке, как перышко, тонкая стройная, с громадным узлом золотых волос на затылке; соседка похожа на золотую стрелочку, неизвестно как и почему упавшую на землю. По своей профессии она — балерина; в городе у нея — балетная студия. Я её очень люблю за её строгое отношение к искусству.

— Здравствуйте, — говорит балерина, — я, может быть, помешала вам?

— Нисколько, — отвечаю, — я как раз думал: хорошо было-бы, если бы пришел кто-нибудь из приятных людей.

Она садится на траву около кресла, садится легко, как будто у нея нет веса. В руках у нея маленькая корзиночка, в корзиночке папиросы и спички.

— Я иду в лавку; зашла спросить, не надо-ли и вам чего — масла, или хлеба?

Я молчу и гляжу на нее. У нея прелестное имя —

Ирина. Из под легкого платья выставляются две маленькие ножки в красных туфельках с помпонами. Ходит она без чулок, а кожа на ногах серебристая, не загорелая. Я люблюсь ею; во всех своих движениях, в фигуре, в повороте головы, она удивительно изысканно-аристократична. Не даром — балерина, и притом признающая в своем искусстве только классическое.

— О чём вы пишете?

Я объясняю, слушает она внимательно.

— А о чём вы думали? Я, когда шла, видела, что вы задумались; и сейчас у вас морщинки между бровями не исчезли.

Ея лицо повернуто ко мне, глаза краями смотрят в мои; иногда они как-то тускнеют, а иногда загораются.

— О чём я думал? Об искусстве, о грехе человеческом, о необходимости очищения. Думаю о том, что толпа овладела техникой искусства и понаделала много вещей, похожих на искусство, но которые совсем не искусство...

И мысли, бродившие в голове, выливаются свободно, сами собою приходят нужные слова.

Ирина берет тетрадку, упавшую на землю, бережно разворачивает её, внимательно разглядывает мой невозможный почерк и обращается так с тетрадкой, как будто это Бог вещь какая драгоценность. Но я вижу, что она в то-же время внимательно слушает, не пропускает ни одного моего слова. Руки у нея худенькие, лицо очень усталое.

— Что с вами? — спрашиваю, — вы бы должны поправиться в деревне, а вид у вас утомленный.

— Меня сегодня ночью папа будил; надо было компресс переменить, потом валерианки дать, потом спрашивал — который час... Он не только больной, но и мнительный. Иногда ночью разбудит меня, я его перевязываю, а он говорит: «Вот умру, освобожу тебя»... Муж худеет, страдает зубами, я его прошу сходить к дантисту, а он не идет; говорю: — ведь плохо может

кончиться, а муж — ну, что-же, останешься молодой вдовой.

Я гляжу на золотой античный узел, на тонкую, худую шею, на хрупкие плечики, и приходят слова:

— И враги человеку — домашние его.

— Ира, дитя мое, — вырывается у меня, и тихо глажу эту низко опущенную голову по волосам.

От этой неожиданной ласки она поднимает голову и глядит на меня. И — нет больше усталого лица, оно ушло, а есть только глаза — громадные, блестящие, сияющие.

Понятно — слова о смерти, из уст двух самых близких ей людей, в ответ на ее заботы и беспокойство — большая обида.

Глаза снова тухнут, снова появляется усталое человеческое лицо. И она говорит:

— Кончается лето, скоро надо покинуть этот лес, это раздолье. А в городе — работа, и работа без конца. Зимой я встаю в половине седьмого, топлю шесть печей, компресс папе, варю ему кофе; потом муж уходит на работу, уборка квартиры, приходят ученицы; после уроков — на рынок; варю обед, кормлю моих мужчин, перемываю посуду, снова уроки, вечером опять кухня... И так каждый день, всю зиму. Только и отдыхаю летом, здесь в лесу. Развожу огород, копаю грядки, качаю воду, поливаю... Мой отдых — перемена работы.

Шустрый кузнечик в изумрудном сюртучке прыгает ей на колено, примащивается, заводит было песнь, но вдруг спохватывается и ускакивает.

— Мур-мур — серебряные ножки, — хочется мне её развеселить.

— Что вы говорите?

— Мур-мур, серебряные ножки, — повторяю.

— Что за мур-мур?

— Одна знакомая балерина: как придет, так и мурлыкает, как котенок, а ножки у нея серебряные.

Балерина закидывает голову назад и смеется веселым счастливым смехом: догадалась, кто это, и не скрывает, что ей приятно.

— Тише, — шепчу я и кладу руку ей на плечо; вблизи скачет, не торопясь, серый ушастый зай. Он большой, нескладный, худой-прехудой, — зай-горемыка. Не заметив людей, он сворачивает на маленькую дорожку и направляется к грядке, где растет салат. Зай постоянно посещает эту грядку, он — большой лакомка. Сорока, повисшая на кусте смородины, пугается, слетает, садится на верхушку сосны и начинает кричать, вероятно по адресу безобидного зай.

А ушастый зай, найдя местечко с салатом погуще, становится на задние лапки, оглядывается кругом и удостоверившись, что врагов ни летающих, ни ходящих, ни бегающих не видно, припадает к грядке, снова поднимается и снова уплетает салат.

Балерина следит за ним, не спуская глаз.

— Какой он милый!.. А других зверюшек у вас не водится?

— Тут у меня целое общество собирается под вечер — общество любителей помойки.

— Господи, как это интересно! А мне ведь надо еще в лавку бежать, — что-же они делают?

— Приходите к вечеру, увидите.

— Непременно, непременно.

Гостя как пружинка поднимается с травы; зай, увидев человеческую фигуру, со всех ног бросается в густые заросли вереска...

Ни зай, ни балерины, я — один. С минуту рассеянно слежу за фигурой в синем платье; фигура становится всё меньше и скрывается среди зеленых сосен. Солнце перешло уже за вторую половину дня, тени становятся длиннее, воздух прохладнее. По аллеям бегают какие-то птички; они ловят прытких кузнечиков и лохматых гусениц. Одна, поймав, уселась на

веточку тополя, и задумалась — закусить ею — слишком большая, пустишь жалко.

Великий покой начинает разливаться по земле. Приятно пахнет нагретый вересек. На воротах сидит небольшой дятел и упрямо долбит доску. Долбит долго, безнадежно; устав, он отдыхает; отдохнув, снова принимается за работу.

И в этой тиши начинают откуда-то появляться мысли — не то они идут сверху, не то поднимаются с земли. Мысли — без формы, без образов; но они несут с собой веление, и этим велением наполняется все мое Я; охватывает желание — создать что-то большое, прекрасное, утешительное и чистое. Но во что оно воплотится — в книгу, в картину, статую, в ряд мыслей — неважно. Воплощение приходит само собой. И в том ограниченном пространстве, которое занимает мое тело, начинает что-то собираться, принимать осязательную форму. Эти минуты — самые большие; их нельзя вызывать, они приходят, когда хотят. И когда является уверенность, что то, что мысли принесли, останется, не забудется, я поднимаюсь готовить свой нехитрый обед. Мой обед молоко во всех видах — свежее, кислое, творог, сметана, масло — ну и хлеб, конечно, немного мяса...

Сидя на террасе, за столом, я смотрю в сад; а мысли бегают, Бог их знает где. Обед — вещь необходимая, но вот мытья посуды — не люблю. Вытирая тарелки, я вижу, как около калитки останавливается высокая женская фигура, открывает дверцу и быстрыми шагами идет на свое обычное место. Это — молодая женщина, по профессии учительница французского языка в местном лицее. Она рисует дом, где я живу. У нас условлено, что мы не мешаем друг другу. — она рисует, я пишу.

Ея темные, с медным отливом волосы повязаны голубым платочком; глаза, как черные сливы, а на смуглом лице лежат нежные блики. Ея настоящее

призвание — художество, а не учительство, ея картины — сама поэзия. Из бедной разваливающейся хибарки у нея получается симфония красок, выступает та красота вещи, которую зрит только истинный художник.

Но теперь в искусстве — во всяком : литературе, живописи, балете — сидят очень часто люди, с искусством ничего общего не имеющие.

Художница кивает мне головой и идет к месту, откуда лучше всего виден домик, а за ним лес.

Покончив с посудой, я выношу кресло за крыльцо, где больше солнца, беру карандаш, тетрадь, записываю что приходит на ум, смотрю вокруг.

Небо безоблачно, сине; будет прекрасная ночь. Вдруг поражает мысль — почему одни люди боятся смерти, а других смерть не волнует. Со всех сторон заглядываю в эту загадку, и приходит решение: тому, кто не успел совершить всего, что ему назначено, смерть тяжка. Неиспользованные возможности, запечатанные таланты давят на сознание и жгут его. А кто успел сказать или сделать всё то, что было ему положено, того смерть не страшит. Так это, или нет? Не знаю. Я едва успеваю набрасывать, что возникает в голове, — этот маленький, пустынный уголок прямо волшебный. А внизу, под самыми мыслями, ощущается что-то твердое, хорошее, родное. В воздухе, в игре света и теней, между деревьями, кажется, реют близкие, дорогие...

Они невидимы, но они есть, они в общении со мной а я с ними. Перед ними раскрываются душа и сердце, они шепчут удивительные слова, ведут безмолвные разговоры.

Слышу, как шелкает складной стулик: художница уходит домой. Ея высокая фигура облита солнечным золотом, на ходу она дружески машет рукой. Отвечаю тем-же.

Маленькая, маленькая страна Эстония, но как тут